

ИНДОНЕЗИЯ в 2008 году - ГОД ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Предвыборный 2008 год, если к нему добавить предвыборную кампанию в первой половине 2009 года, создает сложное переплетение разнородных тенденций в сфере политики и экономики. Политическая борьба, которая фактически началась, по крайней мере, годом или двумя раньше, налагалась на непредсказуемые процессы в экономике. Неудержимый рост мировых цен на нефть в первой половине года привел к вынужденному сокращению государственного субсидирования внутренних цен на нефтепродукты, что вызвало массовые протесты. Положение спасли последующее резкое падение стоимости нефти и введенная правительством система денежных компенсаций беднейшим семьям.

Первая половина 2008 г. поэтому отмечена снижением популярности правительства президента С.Б. Юдойоно. По данным опросов, в мае 62% избирателей выступали против того, чтобы он оставался на второй срок, и его главный в ту пору соперник М. Сукарнопутри опережала действующего президента на 10 пунктов¹. Показателем усиления оппозиционных настроений служили результаты выборов губернаторов в ряде провинций. Кандидаты от мусульманской Партии справедливости и процветания победили 16 июня и 13 июля соответственно на Северной Суматре и Западной Яве. На Центральной Яве победу 22 июня одержали кандидаты от оппозиционной Демократической партии Индонезии (борющейся), обойдя кандидатов от Голкара. Эта крупнейшая проправительственная партия в течение 2008 г. потерпела поражение также на Ю. Сулавеси, Сев. Суматре и на Зап. Яве, а в предыдущем году еще в пяти провинциях.

Выступая 15 августа 2008 г. в парламенте по случаю 63-й годовщины Республики, президент говорил: «Мы оправились от финансового кризиса, некогда парализовавшего Индонезию. Мы осуществили всеобъемлющие реформы в различных сферах. Мы обеспечили сложнейший переход к демократии, в ре-

зультате чего Индонезия стала третьей крупнейшей демократией мира. Нам удалось создать новую демократическую политическую культуру с такими приоритетами, как гласность, свобода мнений и отчетность перед народом. Мы сумели в последние годы упрочить единство нашего унитарного государства. Мы имеем мирный Ачех, стабильное Папуа, спокойные Молукки, Посо и Сампит» (президент перечислил самые «горячие точки» в Индонезии в предшествующие годы – А.Д.). В качестве достижений своего правительства глава государства отметил сокращение числа лиц, живущих за чертой бедности, с 17,7% населения в феврале 2006 г. до 15,4% в марте 2008 г. Золотовалютные запасы впервые достигли 60 млрд. долларов США. Снижение мировых цен на нефть позволило сократить субсидии со 180,3 трлн. рупий до 101,4 трлн. Президент обещал, что страна скоро вновь достигнет самообеспечения рисом и, возможно, станет экспортером его².

Воздействие начавшегося кризиса на политическую ситуацию на первом этапе было сравнительно незначительным: имея иностранное происхождение, кризис не относился за счет прегрешений правительства. К декабрю 2008 г. опрос 1200 респондентов показал, что уже почти 43% избирателей собирались голосовать за действующего президента и 40,7% за М. Сукарнопутри. При этом 59,5% были не удовлетворены деятельностью главы государства в сфере экономики (одобрили лишь 36,7%). Политические достижения правительства положительно оценили 52,5%, в обеспечении безопасности страны – 75,1%, законности 66,2%. При этом 72,7% опрошенных считали для себя наиболее важными экономические проблемы, 12,7% – борьбу с коррупцией, 4,1% – вопросы безопасности и 2,8% правопорядок³.

Но эти темы мало звучали в полемике в преддверии парламентских выборов. Обозреватель сингапурской газеты Дж. Макбет, хорошо знающий индонезийскую ситуацию, писал, что борьба идет вокруг чего угодно, только не проблем страны. По его мнению, неудачи Голкара на последних выборах губернаторов объяснялись тем, что эта партия, как и другие, полагается на «старых лошадей» вместо того, чтобы искать более приемлемые для избирателей фигуры. Большинство заявленных

кандидатов – все те же лица, которые доминируют в политике десять лет после падения Сухарто⁴. Добавим от себя, что многие из них были унаследованы от предшествовавшего режима.

Той же точки зрения придерживается и научный сотрудник Академии наук Индонезии г-жа Сити Зухро: люди но горло сыты старыми персонажами, которых используют повторно. Исследователь из Центра электоральных реформ г-жа Эрика Виянингсх пришла к выводу, что поражения действующих официальных лиц и отставных генералов на выборах губернаторов показали, что население понимает: политика затрагивает его повседневную жизнь и, желая улучшить эту жизнь, меняет свой выбор. Когда же жизнь не изменяется, люди автоматически ищут новые, более многообещающие фигуры⁵.

Совмещение в пределах одного года парламентские и президентские выборы имело одну слабость. Предполагалось, что это позволит сократить периоды двух кампаний, отвлекающих энергию общества и нации. На деле кампании начинаются чуть ли не за два года до выборов, но существующие правила мешают своевременно создавать тандемы кандидатов на посты президента и вице-президента. Партии не вступают в коалиции до того, как итоги выборов в парламент покажут их собственное влияние и политический вес потенциальных партнеров. Программы вероятных коалиций остаются на втором плане.

Политическая борьба в 2008 г. велась, в основном, с прицелом на президентские выборы – в сознании большинства индонезийцев исполнительная власть пользуется неизмеримо большим авторитетом, чем законодательная. К концу сентября главными фигурами в списке кандидатов на пост РИ-1 числились действующий президент С.Б. Юдойоно, бывшие президенты М. Сукарнопутри и А. Вахид, бывший министр обороны и главком вооруженных сил Виранто, бывший помощник президента и государственный министр Юсрил Иза Махендра, зять покойного Сухарто, бывший командующий Стратегическим резервом генерал в отставке Прабово Субиянто, бывший губернатор Джакарты отставной генерал Сутийосо и некоторые другие⁶, а также вице-президент Ю. Калла, хотя до последнего времени он занимал неопределенную позицию. Все без исключения кандидаты так или иначе фигурировали ранее на индоне-

зийской политической арене. Забегая вперед, отметим, что 29 мая 2009 г. были зарегистрированы три пары кандидатов: С.Б. Юдойоно в тандеме с бывшим директором Центробанка Будионо, Юсуф Калла с бывшим командующим вооруженными силами генералом Виранто и экс-президент М. Сукарнопутри, выступавшая вместе с Прабово Субиянто⁷.

В то же время не меньшую роль, вероятно, играло предвыборное поведение политической элиты. Поражало обилие самых противоречивых гипотез в отношении вероятных коалиций, разноречивых высказываний ведущих политических деятелей по этому поводу, включая вице-президента и лидера Голкара Ю. Калла (сам президент с его яванской ментальностью был более сдержан и осмотрителен, и это сыграло, на наш взгляд, свою роль в том, что авторитет его и его партии неуклонно нарастал). Несдержанность в полемике противоречит традиционной политической культуре индонезийцев, согласно которой власть должна излучать достоинство и гармонию, «светливость» считается предосудительной. Было что-то неприличное в том, что Ю. Калла публично признал возможность своего выступления против С.Б. Юдойоно, с которым ему еще предстояло работать почти год⁸.

«Разброд и шатания» обнаруживались даже в рамках правительства, где были представлены различные партии. У президента были основания выразить в апреле 2009 г. свое возмущение: «Может ли министр, вошедший в правительство в рамках коалиции, позволить себе нападки на это правительство? В любой стране он должен был бы подать в отставку»⁹.

Именно в дискредитации власти нужно искать корни двух процессов, которые нам уже приходилось отмечать ранее – «ползучая исламизация» и подспудная активность генералитета, до конца не смирившегося с утратой своей политической роли.

По нашему мнению, реальное влияние и перспективы исламистов в Индонезии не должны измеряться их сравнительно невысокими результатами на парламентских и президентских выборах. Действительно, опрос, проведенный Институтом по изучению общественного мнения Индонезии (Lembaga Survei Indonesia – LSI) в сентябре 2008 г. среди 1239 мусульман, пока-

зал» что лишь 16,6% из них намеревались голосовать за исламские партии на парламентских выборах 2009 г. В то же время 60% намеревались отдать голоса за националистические (секулярные) партии Голкар, ДПИБ и Партию демократов, 24% еще не определились со своими предпочтениями. Среди опрошенных мусульман ДПИБ поддерживали 19%, Голкар – 18% и ПД – 11%¹⁰. Фактически прошедшие в парламент в 2009 г. шесть мусульманских партий завоевали в общей сложности менее 30% голосов и примерно столько же депутатских мандатов.

Но здесь нужно учитывать, по крайней мере, два фактора. Во-первых, как говорилось выше, до 40% избирателей в голосовании не участвовали. Трудно судить о побуждениях почти 70 млн. взрослых индонезийцев, но можно предположить, что значительная часть из них не нашла среди действующих партий тех, кто отвечал бы их требованиям, и начнут искать защитников своих интересов вне партийной системы. Во-вторых, у мусульманских партий нет лидеров национального масштаба (кроме весьма умеренного и тяжело больного А. Вахида, чья политическая карьера, кажется, уже закончилась, хотя сам он так не считает). Не исключено, что радикальный ислам, по крайней мере, частично опускается в низы и его действительное влияние реализуется на уровне рядовых граждан и потому не вполне поддается точному количественному и качественному анализу.

Опрос, проведенный Центром стратегических и международных исследований (Centre for Strategic and International Studies – CSIS) в крупнейших университетах страны, показал, что лишь 4,5% студентов верят в национальную идеологию, тогда как 80% предпочитают законы шариата¹¹. Даже если эти результаты преувеличены, тенденция, тем не менее, тревожная.

Центр исламских и социальных исследований, действующий в рамках Государственного исламского университета «Шариф Хидайятулла», путем опроса 500 мусульманских вероучителей в государственных и частных школах в Джакарте выяснил, что большинство из них выступают против религиозного плюрализма, склонны к радикализму и консерватизму. При этом 68,6% выступили против того, чтобы директорами школ были лица, не исповедующие ислам, а 33,8% считают,

что учителями вообще могут быть только мусульмане. Из числа опрошенных 85,6% запрещают ученикам праздновать события, связанные с западными традициями, и 87% просят учеников не знакомиться с другими религиями. Более половины духовных учителей полагают, что за определенные преступления нужно забрасывать виновных камнями, 47,5% за то, чтобы за воровство отсекал руку, и 21,3% полагают, что вероотступники достойны смертной казни.

Видный мусульманский богослов Азьюмарди Азра полагает, что Министерство по делам религий, позволив этим людям стать учителями, не сумело «освежить» их устаревшие взгляды на ислам, и видит задачу Министерства именно в том, чтобы бороться против подобных взглядов¹².

В качестве некоторого утешения приводится иногда тот факт, что приверженность канонам ислама, законам шариата мирно сосуществует с неготовностью большинства мусульман буквально следовать этим законам. Опрос, проведенный австралийским агентством Ray Morgan Research (2000 опрошенных между июлем 2007 г. и июлем 2008 г.), показал, что большинство индонезийцев выступают за введение законов шариата, но менее половины согласны с такими мерами, как отсечение руки ворам или принуждение женщин носить предписанные исламом одежды. Один из организаторов опроса И. Сукирман говорил: «Индонезийские мусульмане в целом полагают, что в жизни своей они должны руководствоваться религией, но, как показывают их ответы, некоторые из них не осознают практических последствий строгого соблюдения исламских законов»¹³.

Но ограничиться этой констатацией было бы неправильно. В тех случаях, когда за дело берутся активные и убежденные радикалы-исламисты, им удается подчинить себе умеренную массу и местное чиновничество. Пример: в Тангеранге близ Джакарты женщинам запрещено выходить в одиночку из дома в позднее время, что поставило в безвыходное положение работающих индонезиек. Одну из них задержали на остановке автобуса, когда она возвращалась с работы. Отягчающим вину обстоятельством послужили найденные у нее в сумочке косметические принадлежности¹⁴.

Научный сотрудник сингапурского Института изучения проблем Юго-Восточной Азии Бернард Плацдаш, изучив религиозную ситуацию в Индонезии, пришел к неутешительному выводу, что противоречия между мусульманами и христианами обостряются. Он сообщил, что школьники-мусульмане отказываются общаться с детьми других вероисповеданий, потому что, по словам их учителей, иноверцы суть неверующие, и следовательно, их враги. В некоторых местах мусульмане выступают против возведения христианских церквей под предлогом, что они будут находиться в мусульманском окружении. Христианские общины используют те же аргументы, требуя закрытия мечетей в некоторых районах¹⁵. В августе 2008 г. толпа исламистов, вооруженных бутылками с зажигательной смесью и палками, напали на христианскую школу в Джакарте, потребовав от прихожан покинуть помещение и перебраться в другой район. В том же месяце толпа экстремистов штурмовала церковь, вынудив молящихся спасаться бегством¹⁶.

Сингапурская газета «Стрейтс таймс» (24.08.2008) считает одним из источников межконфессиональной напряженности ревность, которую испытывают мусульмане, когда видят, что люди других вероисповеданий более благополучны и лучше образованы, когда некоторые прихожане приезжают в церковь на лимузинах с шоферами, демонстрируя свое богатство в бедных мусульманских районах. Иначе говоря, речь идет о совпадении религиозных различий с социальными, а нередко и с расово-этническими, когда состоятельные христиане оказываются китайцами.

Сравнительно новым явлением стало обострение противоречий внутри самой исламской общины. В 2008 г. серьезные осложнения возникли в связи с деятельностью мусульманской секты Ахмадия. Ее члены (около 400 тыс. в Индонезии) считают, что основавший эту секту в XIX веке Мирза Гулам Ахмад был следующим после Магомета пророком. Ортодоксальные мусульмане считают это богохульством и требуют запрещения Ахмадии, тогда как либералы, в том числе и в мусульманской общине, полагают, что нельзя ограничивать свободу совести и правительство не должно идти на поводу у ортодоксов. В День национальной идеологии Панча сила 1 июня 2008 г. в Джакарте

под эгидой организации Нахдатул Улама, одной из двух самых массовых мусульманских организаций в стране, проходил митинг в защиту религиозной терпимости. Его участники подверглись нападению со стороны боевиков Фронта защитников ислама, созданного сухартовскими спецслужбами на последнем этапе существования режима для борьбы со сторонниками политической либерализации. Двадцать человек были ранены. Днем позже произошли нападения на членов НУ в Джокьякарте. В ответ в ряде городов были разгромлены отделения Фронта. Участники этих акций требовали от правительства его запрещения¹⁷.

Правительство заняло двойственную позицию. С одной стороны, полиция совершила рейды по отделениям Фронта защитников ислама. Его лидер Ризик Шихаб попал в тюрьму. С другой стороны, под давлением ортодоксальных мусульман была запрещена деятельность (но не существование) проблемной секты. Сторонники религиозного плюрализма считают, что, формально осуждая экстремистов, власти практических мер против них не принимают¹⁸.

Сложность положения государственной власти в этом, как и в некоторых других вопросах, объясняется противоречивостью процесса демократизации. В результате конституционной реформы президент и вице-президент с 2004 г. избираются прямым голосованием. Находясь в прямой зависимости от избирателей, глава государства и правительство не всегда отваживаются на решительные меры против исламистов. Поэтому министр внутренних дел Мардианто, скорее всего, не желая ссориться с исламским электоратом, заявил, что введение местными властями законов шариата вполне правомерно: подобные акты представляют собой превентивные меры в области морали и вообще касаются только мусульман¹⁹.

В то же время председатель Конституционного суда Мохаммад Махфуд, по своему положению прямо не зависящий от избирателей и парламента, призвал отменить основанные на шариате установления местных властей как дискриминационные по отношению к религиозным меньшинствам и противоречащие государственной идеологии. Выступая перед офицерами вооруженных сил, он указал, что такие постановления угрожа-

ют национальному единству²⁰. В сентябре 2008 г. Совет представителей регионов (нижняя палата парламента) принял решение о проверке правомерности всех подобных актов, принятых на местах²¹.

В октябре 2008 г. после двухлетних дискуссий парламент принял закон о борьбе с порнографией, «подавленный» мусульманским лобби. Светские партии пошли на уступки, не желая осложнять отношения с мусульманской общиной в предвидении выборов, предстоявших в 2009 г. Этот закон вызвал резкую реакцию со стороны защитников религиозного плюрализма. Его противники выдвигали два основных возражения. Первое: в мультиконфессиональной и мультикультурной Индонезии понятия порнографии резко различаются, например, у ортодоксальных мусульман Явы и индуистов острова Бали, где многие традиционные танцы, неприемлемые с точки зрения ортодоксального ислама, имеют часто сакральный смысл. (Мы уж не говорим о том, что отказ от традиционного искусства снизил бы привлекательность острова в глазах иностранных туристов и резко сократил доходы балийцев). Вследствие нечеткости ряда положений закона они подвержены широкому спектру толкований. Второе: положение о том, что при исполнении закона местные власти вправе взаимодействовать с «различными сторонами», открывает путь для привлечения мусульманских фанатиков. Против закона выступили только ДПИБ и маловлиятельная Партия мира и процветания (не путать с Партией справедливости и процветания). Остальные, включая Голкар и президентскую Партию демократов, поддержали закон.

Разногласия может вызвать и внесенный в начале 2009 г. в парламент проект закона об обеспечении соответствия продукции законам ислама. Противники законопроекта не без известных оснований утверждают, что такой закон, став обязательным для всех регионов Индонезии, породил бы дискриминацию сторонников всех остальных религий²².

Мусульмане, по некоторым сообщениям, в свою очередь сталкиваются с проблемами, например, на острове Бали, где индуисты, которые кремируют тела своих единоверцев, протестуют против захоронения сторонников других религий в «священной земле»²³.

Примечательная полемика развернулась в январе 2009 г., когда Совет улемов Индонезии принял фетву, в которой утверждалось, что лица, которые воздерживаются от голосования на выборах, совершают поступок, предосудительный (haram) с точки зрения законов ислама. Это решение было весьма неоднозначно воспринято общественностью. Хотя его исполнение верующих факультативно, оно было воспринято как вторжение в политические свободы граждан. По сообщениям печати, фетва была принята по инициативе спикера Народного консультативного конгресса Хидаята Нурвахиды, одного из лидеров Партии справедливости и процветания²⁴.

Вице-президента Ю. Калла заявил в конце 2008 г., что в нынешнем мировом кризисе повинен капитализм и потому следует перейти к созданию экономики, построенной на законах шариата. Он воздержался от детализации идеи²⁵.

Положение армии и позиции генералитета в известном смысле коррелируются с факторами, способствующими росту исламистских настроений, прежде всего с известным разочарованием ходом и результатами реформ. Это разочарование, как нам уже приходилось отмечать, порождено завышенными ожиданиями электората по отношению к гражданской власти после 1998 г. и вытекающей отсюда тоской по «сильной руке». Оно совпадает с сохранившейся в некоторых эшелонах армии ностальгией по временам, когда военные структуры были источником и основным аппаратом власти.

Как писал один из ведущих столичных еженедельников журнал «Темпо» в конце 2008 г., реформирование вооруженных сил еще не доведено до конца. Пока успех реформ оценивается лишь по тому признаку, что военные, находящиеся на действительной службе, не занимают места в законодательных и исполнительных органах власти. Но даже проблема политического нейтралитета вооруженных сил все еще муссируется с подачи гражданской элиты²⁶. Выступая на открытии Института исследований по проблемам обороны и безопасности (Institute of Defense and Security Studies – IODAS) в августе 2008 г. министр обороны Индонезии Ю. Сударсоно заявил, что если что-нибудь и побудит военных вернуться в политическую жизнь, то это будет не низкое бюджетное финансирование, а слабость и

коррупционированность власти. Директор института Аиди Виджаянто указал, что индонезийские военные сохранили привычку играть роль в политике, и будут выжидать лишь удобного момента, чтобы начать действовать. Момент наступит, когда они сочтут, что гражданские политики слишком слабы, чтобы управлять страной. Нынешнее правительство, по его словам, армия считает слабым и коррупционированным²⁷. Эти заявления контрастируют с официальной позицией командования вооруженные сил, которое на протяжении уже десяти лет заявляет о своем приятии нынешней подчиненности армии гражданскому правительству.

Возможно, дело все же частично объясняется тем, что военный бюджет Индонезии на 2009 г. был определен в 35 трлн. рупий, на один триллион меньше, чем годом раньше, и на 105 трлн. меньше действительных потребностей армии²⁸.

В 2008 г. тревожные прогнозы нашли известное подтверждение в политическом поведении армии. С одной стороны, генерал Джоко Сантосо, вступая в должность главкома вооруженных сил в январе 2008 г., заявил о приверженности процессу реформ военных структур и курсу на нейтралитет военных в политике. Вместе с тем, он счел нужным отметить, что главные угрозы безопасности Индонезии возникают внутри страны и важнейшая задача армии состоит в том, чтобы сохранить ее единство. Он утверждал, что военные отказались от всего принадлежавшего армии бизнеса и теперь дело гражданских властей решать, как с ним поступать. «У нас ничего не осталось, и мяч находится не на нашей половине поля»²⁹. Но практически в те же дни президент С.Б. Юдойоно, выступая на совещании высшего командного состава вооруженных сил, предостерег военных от злоупотреблений своей мощью и от незаконных действий под предлогом защиты нации. Он сказал, не конкретизируя своих слов, что кое-кто полагает, будто армия вправе предпринимать любые шаги в интересах стабильности, пусть даже вопреки закону. Глава государства подчеркнул, что военные не могут по своему усмотрению решать, что правильно, а что неправильно, в каких случаях они обязаны, а в каких не обязаны слушаться президента и парламента³⁰.

Опасения С.Б. Юдойоно, видимо, не развеялись в течение года, поскольку в январе 2009 г. на аналогичном совещании он сказал, что до него дошла информация о вмешательстве генералов в ход предвыборной кампании, и о том, что некий неназванный им военнослужащий основал движение под лозунгом «Кто угодно, только не С.» (среди вероятных кандидатов в президенты несколько человек имели такой инициал – А.Д.), а в полиции сформирована группа поддержки одного из кандидатов. Президент настоятельно призвал военачальников сохранять нейтралитет в ходе подготовки и проведения выборов³¹.

Главком вооруженных сил Джокко Сантосо обвинил отставных генералов в попытках втянуть армию в политику. «Генералы в отставке не могут запугать меня или использовать меня как военачальника в своих политических интересах, хотя все они стоят выше меня в военной иерархии». Он подчеркнул, что не существует формальных связей между армией и генералами, не находящимися на действительной службе³². У Дж. Сантосо была причина для подобного предупреждения: по крайней мере четыре отставных генерала – С.Б. Юдойоно, Вирранто, Сутийосо и Прабово Субиянто в начале 2009 г. заявили о своем намерении баллотироваться на пост главы государства, и последние трое не скрывали не слишком доброжелательного отношения к действующему президенту. Связь между отставными военачальниками и действующим офицерским корпусом, их неформальный, но вполне реальный авторитет в армии сохраняются и после отставки, и главком это хорошо знает. Весьма примечательно, что тогда же Сантосо заявил, что не примет предложение со стороны ДПИБ выступить на выборах в тандеме с М. Сукарнопутри (эта идея была озвучена на национальной конференции партии)³³. Но как бы то ни было, это предложение отразило настойчивые попытки лидеров ДПИБ искать в преддверии президентских выборов взаимопонимания с генералитетом.

Заслуживает внимания реакция индонезийской общественности на кончину 27 января 2008 г. бывшего в 1967-1998 гг. президентом Индонезии генерала Сухарто. Для правящей элиты его смерть была избавлением от десятилетней «головной боли» – раздвоения между настойчивыми требованиями демо-

кратически настроенной части общественности привлечь бывшего диктатора к ответственности за кровавые преступления и беспримерную коррупцию, и опасениями, что, стронув камень на вершине горы, можно получить непредсказуемую по ее последствиям лавину у подножья. Президенты Б.Ю. Хабиби (1998-1999 гг.) и С.Б. Юдойоно (с 2004 г.) выросли в недрах «нового порядка» Сухарто, и для них признать, что глава этого режима был кровавым преступником, значило бы отказать в легитимности всему, что вывело их еще до 1998 г. в высшие эшелоны власти. Кроме того, это было бы проявлением неблагодарности к тому, кто дал образование, воспитание и карьеру Хабиби и генеральские погоны Юдойоно.

Что же касается и А. Вахида, и М. Сукарнопутри, то здесь действовали другие факторы. Первый – нежелание ссориться с генералитетом, который был не только послушным, но и инициативным орудием в руках Сухарто. Второй момент сложнее (он, кстати говоря, общий для всех четырех президентов) – боязнь дискредитировать институт президентства как таковой, учитывая, что оба они намеревались продолжать политическую деятельность и, следовательно, борьбу за участие во власти.

В дни, предшествовавшие смерти Сухарто и последовавшие за ней, нация как бы разделилась. Одни были склонны к всепрощению – у постели умиравшего Сухарто побывали член парламента А.М. Фатва, который во времена «нового порядка» провел в тюрьме 12 лет за оппозиционную деятельность, жесточайший критик бывшего президента А. Раис, сын первого президента страны Гурух Сукарнопутра, продемонстрировавший, что не таит зла против человека, который сверг его отца и продержал под домашним арестом без необходимой медицинской помощи до конца дней.

Но не менее настойчиво звучали и призывы не отказываться от расследования происхождения богатства семьи Сухарто и нарушений прав человека в период его пребывания у власти.

Воздействие мирового кризиса на индонезийскую экономику не обнаруживалось вплоть до третьего квартала 2008 г., и еще в июле вице-президент Ю. Калла предсказывал, что через 2-3 года темпы экономического роста достигнут 9%³⁴. В январе

2008 г. правительство прогнозировало темпы инфляции на 2008 г. на уровне 5%, на 2009 г. – 4,5% и на 2010 г. – 4% (с точностью до 1%)³⁵.

Экономический рост во втором квартале 2008 г. составил 6,4% в сравнении с соответствующим периодом предыдущего года. Инвестиции превышали показатели 2008 г. на 12,8%, экспорт в первом и втором кварталах вырос соответственно на 15,5% и 16,1%. Ожидалось, что доход на душу населения составит в 2008 г. 2400 долларов в сравнении с 1946 долларов в 2007 г. При этом для 10% населения доход составил 7000 долларов и еще 10% около 3500 долларов.

По официальным данным, число лиц, живущие за чертой бедности, снизилось с 37,2 млн. человек в марте 2007 г. до 35 млн. в марте 2008 г. Однако оппозиция указывала на то обстоятельство, что по критериям Всемирного банка черта бедности проходит на уровне 1,25 доллара на человека в день, тогда как индонезийские нормативы в два раза ниже. Оппозиция опровергала и утверждение президента, что за истекший год число полностью безработных снизилось с 10,55 млн. человек до 9,43 млн., полагая, что реальный прогресс был значительно скромнее³⁶. По данным Всемирного банка половина индонезийцев живут на два доллара в день³⁷. В среднем индонезийцы потребляли в год на душу населения 133 кг риса, 26 кг рыбы (для сравнения – в Малайзии 45 кг и в Японии 60 кг), 3,8 кг куриного мяса (в Малайзии 23 кг, в Таиланде – 16,8 кг), 40 кг фруктов (рекомендация ФАО – 65,8 кг), 15,6 кг сахара (среднее в мире – 25,1 кг), 37,9 кг овощей (рекомендация ФАО – 65,8 кг)³⁸.

В октябре президент выражал надежду, что последствия кризиса будут не столь разрушительными, как в 1998 г., и экономический рост не опустится ниже 6% в год – минимальный уровень, позволяющий не допускать увеличения числа безработных³⁹. Пресса указывала, что позиции Индонезии в условиях нынешнего кризиса гораздо прочнее, нежели и 1997 г., когда краткосрочные заимствования составляли 175% в сравнении с объемом валютных резервов. Это отношение составило лишь 34,5% в 2008 г.⁴⁰

Ситуация на октябрь 2008 г. была действительно относительно обнадеживающей. За девять месяцев года курс рупии упал всего на 2-3%, что было гораздо ниже, чем в других странах, и составил 9651 рупий за доллар США на начало октября. Положительное сальдо внешнеторгового баланса равнялось 8 млрд. долл., инвалютные запасы 57,1 млрд.⁴¹.

Но в кругах экономистов и парламентариев звучали более трезвые и тревожные прогнозы. Министр финансов Шри Мульяни, она же и.о. министра-координатора по вопросам экономики, 13 октября внесла предложение скорректировать бюджет на 2009 г. (всего через месяц после его принятия). Экономический рост прогнозировался в пределах 5,5-6,1% против утвержденных 6,3%, курс рупии, заложенный в бюджет, снижался с 9150 до 9500 за 1 доллар, ожидаемые темпы инфляции повышены с 6,2% до 7%, банковский процент повышался до 8,5 против 8,0, цена нефти прогнозировалась в размерах 85 долларов, вместо 95 за баррель.

Менялись источники покрытия бюджетного дефицита. Если раньше таким источником был, в основном, выпуск государственных ценных бумаг, то ныне предлагалось обратиться к внешним займам на двусторонней или многосторонней основе, поскольку индонезийские ценные бумаги на мировом рынке сбывались с трудом, под очень высокие проценты – до 15%. Раньше до 65% таких ценных бумаг приобретали американские и европейские инвесторы. Было решено сократить объем их выпуска до 54,7 трлн. рупий с прежних 103,5 трлн. Напротив сумма предполагаемых займов, в частности, от Всемирного банка и Азиатского банка развития, возросла с 23,8 трлн. рупий до 45,7 трлн. Предлагалось сократить расходную часть бюджета на 21,5 трлн. рупий (до 1074,5 трлн.) и доходы на 24,3 трлн. рупий (до 1003,2 трлн. рупий)⁴².

В ноябре 2008 г., находясь в Соединенных Штатах, президент Юдойоно заявил, что его страна не будет обращаться за помощью к Международному валютному фонду, поскольку прошлый десятилетний опыт сотрудничества Индонезии с этой организацией оказался неудовлетворительным и нет смысла его возобновлять⁴³.

Председатель одной из палат индонезийского парламента, Совета представителей регионов, Гинанджар Картасасмита высказал мнение, что в 2008 г. для Индонезии ситуация в некоторых отношениях складывалась сложнее, нежели в 1998 г. В то время кризис не затронул развитые страны, которые смогли оказать ей значительную помощь. Сейчас же ситуация ухудшилась и в развитых экономиках, в результате чего падает спрос на традиционные товары индонезийского экспорта – нефть, пальмовое масло, газ и текстиль⁴⁴. Начавшись в США, мировой экономический кризис с неизбежностью привел к сокращению индонезийского экспорта в эту страну, занимавшую второе после Японии место в качестве импортера товаров из Индонезии – 11,6% экспорта Индонезии⁴⁵. Вступал в действие эффект домино: ввиду сужения американского рынка для китайского импорта, Индонезии приходилось опасаться нелегального притока сравнительно дешевых товаров из Китая.

Под угрозой оказался существенный источник иностранной валюты и – экспорт рабочей силы, который одновременно позволял сокращать безработицу (около 40 млн. полностью и частично безработных на начало 2008 г.). Предполагалось, что только по линии правительственных органов до середины 2009 г. будет направлено не менее 3,5 млн. человек. Точное число индонезийцев, работающих за пределами страны, неизвестно. Официально называлась цифра в 4,5 млн. человек, неофициально – 6,9 млн., из которых 75% выехали нелегально. В 2005 г. индонезийские «гастарбайтеры» перевели на родину три млрд. долларов, что составляло 1% индонезийского ВВП, но по подсчетам ООН в ноябре 2007 г. реальная сумма была в два раза выше⁴⁶. По прогнозам на начало 2009 г. ожидалось, что до 600 тыс. индонезийцев потеряют работу за границей⁴⁷.

Уже к середине февраля 2009 г. ранние прогнозы последствий кризиса оказались заниженными, и экономический рост ожидался в 2009 г. на уровне 4,3%. В условиях Индонезии каждый процент роста означает создание 200-300 тысяч рабочих мест. Поэтому предполагавшееся снижение роста должно было оставить без средств к существованию не менее 1,2 млн. человек (с учетом членов семей)⁴⁸.

Вместе с тем, следует признать, что, во всяком случае, в первом квартале 2009 г. кризис по своим последствиям для Индонезии был менее катастрофичным, чем можно было ожидать. Более того, в апреле 2009 г. отмечался рост курса рупии до 11 тыс. за 1 доллар с 12 тысяч в марте. Газета «Jakarta Globe» (13.04.2009), связывая это с итогами парламентских выборов, где на первом месте оказалась президентская Партия демократов, писала в редакционной статье: «Рынки проголосовали за непрерывность процессов на политической арене и подтвердили, что страна движется в правильном направлении».

О внешнеполитическом положении страны, президент в традиционном выступлении в парламенте 15 августа 2008 г. сказал: «Мы вернули Индонезию на передовые позиции и в регионе, и на международной арене»⁴⁹. Это было очень важное заявление: для Индонезии экономический и, прежде всего, политический кризис, который страна пережила в 1997-1998 г., стал национальным унижением – она была, в частности, отброшена с позиций признанного, хотя и неофициального, регионального лидера.

В 2008 г. произошли существенные сдвиги в индонезийско-американских отношениях. Успешные в целом обращения сначала М. Сукарнонутри, а затем С.Б. Юдойоно к России за различными видами военной техники побудили администрацию Дж. Буша отказаться от введенного в 1992 г. эмбарго на военные поставки в Индонезию. В январе 2008 г. посол США передал в дар индонезийскому правительству 15 быстроходных катеров береговой обороны, было подписано соглашение о сотрудничестве в повышении квалификации личного состава индонезийской полиции в борьбе с преступностью⁵⁰.

В феврале 2008 г. Джакарту посетил министр обороны США Р. Гейтс. После его встречи с С.Б. Юдойоно было объявлено, что Соединенные Штаты помогут Джакарте модернизировать ПВО страны. США предложили продать шесть модернизированных истребителей F-16. В 1976 г. Индонезия приобрела 10 таких машин, из которых в строю осталось четыре, и американская сторона поможет модернизировать эти самолеты так же, как восемь транспортных самолетов «Геркулес». (В мае 2009 г. один из таких самолетов потерпел катастрофу на Вос-

точной Яве. Погибли более 100 человек). Будет оказана также техническая помощь в установке семи радиолокационных станций для контроля над ситуацией в Малаккском проливе, где сохраняется опасность пиратства. Р. Тейтс сказал, что не все в США понимают, как изменилась Индонезия за последние 10 лет⁵¹.

Министр обороны Индонезии Ювоно Сударсоно заявил, что военно-техническое сотрудничество с Америкой не отразится на достигнутых договоренностях в этой области с Россией, но пожаловался на трудности с российской стороной в сфере платежей⁵².

Впервые за 16 лет сенат США в законе «Foreign Operations Appropriation Bill» не установил особых условий для предоставления военной помощи Индонезии в сумме 15,7 млн. долларов. В предыдущем году в аналогичном акте содержалось требование расширить доступ наблюдателей в Папуа, расследовать убийство правозащитника Мунира и провести судебное преследование офицеров, виновных в нарушениях прав человека в Восточном Тиморе. В законе, однако, сохранился запрет на обучение в США военнослужащих индонезийских войск специального назначения⁵³.

Можно предполагать, что в массовом сознании индонезийцев происходит некоторый спад традиционно укоренившихся антиамериканских настроений после избрания на пост президента США Б. Обамы – афроамериканца, да еще и прожившего ребенком несколько лет в Джакарте. Как писал политический обозреватель газеты «Джакарта Пост» Мохтар Бухори, Обама показал, что есть возможность по-новому воспринимать Америку и отойти от традиционных представлений об этой стране. Другой индонезийский автор Вимар Витулар, считает, что новый президент США воплощает перемены и в известном смысле как бы извиняется за ошибочную политику США, поскольку он с самого начала отвергал войну в Ираке и не считает, что все проблемы проистекают от ислама⁵⁴.

Нужно полагать, что улучшение отношений с Вашингтоном соответствует желаниям лидеров Индонезии. Заметим, что и М. Сукарнопутри, и С.Б. Юдойоно свои первые заграничные поездки в качестве главы государства совершили именно в

США. Уже 4 февраля 2009 г., через две недели после официального вступления Б. Обамы в должность, вице-президент Индонезии Ю. Калла прибыл в Вашингтон с поздравлениями. Представитель вице-президента по связям с общественностью заявил в интервью индонезийской газете «Ракьят Мердека» (05.02.2009): «Вице-президент высоко оценивает намерение правительства США протянуть руку мусульманским странам, по отношению к которым до настоящего времени проявлялась отчужденность, и более того, они часто становились жертвами внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Желание правительства США под руководством Обамы и Байдена изменить образ своей страны должно найти полную взаимность со стороны народов и лидеров мусульманских государств. Один из первых зарубежных визитов в качестве государственного секретаря США Хиллари Клинтон нанесла в Джакарту.

Можно предположить, что индонезийское правительство, кто бы ни был избран президентом в 2009 г., постарается всемерно использовать новые моменты во внешней политике США, в частности, проявившееся ослабление антиисламских мотивов, для активизации всестороннего сотрудничества. Индонезия в существенной мере зависит от американского рынка и от американских вооружений, в том числе и запасных частей для имеющейся техники. Надо полагать, однако, что наученные горьким опытом индонезийские политики сохранят курс на диверсификацию внешних связей.

Если в индонезийском обществе произойдет спад антиамериканских настроений, это может привести к определенной «переориентации» исламских экстремистов, которые будут нуждаться в новом образе «внешнего врага». Проблемы России на Северном Кавказе могут создать в этой связи некоторые трудности для нашей страны. Вместе с тем, предстоит еще увидеть, насколько декларированные Б. Обамой внешнеполитические цели его правительства претворятся в жизнь на практике.

В октябре 2008 г. состоялась поездка в Индонезию группы российских предпринимателей на выставку Trade Expo 2008. В составе делегации были представители предприятий розничной торговли, строительства, космической и текстильной промышленности. К концу 2008 г. объем российских инвестиций в Ин-

донезии составлял около 4 млрд. долларов, объем двусторонней торговли – 1 млрд. долларов.

Тогда же Россию посетил начальник штаба военно-морских сил Индонезии адмирал Теджо Эдди Пурдиянто. Характерно, что, насколько можно судить по сообщениям печати, он довольно уклончиво высказался по поводу возможностей закупки в России вооружений для флота, отметив, что каждая сторона, занимающаяся производством военной техники, имеет свои преимущества⁵⁵. Более откровенным был в ноябре 2008 г. министр обороны Индонезии Ювано Сударсоно. Он сказал, что скорее всего, Индонезия, у которой уже есть подводные лодки германского производства, будет закупать там же ПЛ следующего поколения. Приобретение подводных лодок класса «Кило» у России потребовало бы дополнительных расходов на строительство береговых объектов⁵⁶.

Второго февраля 2009 г. состоялась передача индонезийской стороне трех истребителей типа «Сухой», что довело общее число самолетов этого типа в ВВС Индонезии до семи⁵⁷.

В октябре в Москве было подписано соглашение о сотрудничестве между счетными палатами РФ и Индонезии, предусматривавшее, в частности, параллельное проведение проверок реализации контрактов на поставки военной техники между Рособоронэкспортом и Министерством обороны Индонезии⁵⁸.

В середине января 2008 г. Индонезию посетил министр обороны КНР Цао Ганчуань. Было подписано соглашение о совместном производстве некоторых видов военной техники, в том числе транспортных средств. Объем двусторонней торговли в 2007 г. достиг 16,7 млрд. долларов и было выражено взаимное намерение довести к 2010 г. эту цифру до 30 млрд. Заметим, что это произошло до начала кризиса. Некоторые политические осложнения могут возникнуть в связи с претензиями китайской стороны на возвращение собственности, незаконно изъятой у КНР после фактического разрыва отношений в 1967 г.⁵⁹.

Была достигнута договоренность о пересмотре соглашения, достигнутого в период президентства М. Сукарнопутри, о ценах на индонезийский природный газ, поставляемый в Китай.

В период низких цен на нефть (25 долларов за баррель) стоимость газа на последующие 25 лет была установлена на соответствующем уровне. С ростом цен на нефть индонезийская сторона стала нести миллиардные убытки⁶⁰.

Некоторые негативные моменты в отношениях Индонезии с Малайзией и Сингапуром, о которых мы упоминали в статье «Индонезия в 2007 году»⁶¹, сохранялись и в рассматриваемый период. Это проявилось, в частности, в преддверии визита С.Б. Юдойоно в Малайзию в начале 2008 г., когда этой стране предъявлялись серьезные претензии не только в связи с недоброжелательным отношением к индонезийским рабочим, но даже за использование малайзийским туристическим агентством индонезийской музыки⁶². В первой половине 2009 г. резко обострились разногласия с Малайзией, которая претендует на богатый нефтью и газом участок моря в районе Амбалат, Индонезийская сторона обвинила Куала-Лумпур в многочисленных нарушениях государственной границы малайзийскими военными кораблями⁶³.

Продолжалась острая полемика вокруг подписанного в июле 2007 г. соглашения с Сингапуром о сотрудничестве в оборонной области и договором с той же страной об экстрадиции преступников. В индонезийских СМИ прозвучали даже (впоследствии опровергнутые) угрозы прекратить подачу газа в Сингапур в случае дальнейшего обострения отношений⁶⁴. Развернулся конфликт также вокруг сингапурской компании «Темасек», которую обвинили в нарушениях индонезийского антимонопольного законодательства, проявившихся при инвестициях капитала в местные компании «Индосат» и «Телкомсел»⁶⁵. В начале 2008 г. индонезийская сторона проявила чрезвычайное раздражение в связи с тем, что сингапурские власти принуждают индонезийских граждан, имеющих постоянные виды на жительство в этой стране, проходить военную службу⁶⁶.

Частный, но по-своему показательный случай: группа индонезийских медицинских работников (23 человека) посетила Израиль для изучения опыта по оказанию неотложной помощи. В составе группы были, преимущественно мусульмане и несколько христиан⁶⁷. Заметим, что когда в свое время президент

А. Вахид заговорил о возможности связей с Израилем, это вызвало резкую реакцию со стороны исламских кругов.

Подробные итоги двух выборных кампаний 2009 г. заслуживают отдельного рассмотрения. Сейчас же ограничимся констатацией факта, что по прошествии более чем 11 лет после падения авторитарного «нового порядка» в индонезийском обществе еще звучат разные взгляды на судьбы индонезийской демократии. Президент С.Б. Юдойоно, выступая 3 апреля 2008 г., заявил: «Хотя мы соревнуемся на поприще демократии, давайте сохранять стабильность и политическую безопасность с тем, чтобы служить примером в качестве третьей величайшей демократии в мире»⁶⁸. Министр обороны Ювоно Сударсоно высказался в несколько другом ключе: «Одержимость стабильностью могла быть понятной в прошлом, но сейчас времена меняются»⁶⁹. Конечно, нет смысла ожидать, что в течение одного десятилетия в огромной стране укоренятся прочные демократические традиции. Но заслуживают внимания выводы сингапурского ученого Кишора Махбубани. Он указывает, что в отличие от американской администрации, которая после «11 сентября» фактически сняла запрет на пытки, индонезийское правительство, несмотря на серию террористических актов со стороны исламистов, не допустило отката в демократическом процессе⁷⁰. Это наблюдение, на наш взгляд, в целом соответствует действительности.

¹ SinarHarapan (Jakarta), 05.08.2008.

² Pidato Kenegaraan Presiden RI di Depan Rapat Paripurna DPR 15 Agustus 2008. Sekretariat Negara RI, Jakarta, 2008, с.7-8, The Straits Times (Singapore), 17.08.2008.

³ Antara News (Jakarta), 19.12.2008.

⁴ The Straits Times, 06.09.2008.

⁵ Image (Jakarta), № 6, June 2008, с.7.

⁶ The Straits Times, 30.09.2008.

⁷ Jakarta Globe, 21.11.2008; Kompas (Jakarta), 21.04.2009.

⁸ The Straits Times, 27.08.2008.

⁹ Antara News. 10.04.2009.

¹⁰ Jakarta Post, 26.09.2008.

¹¹ Jakarta Post, 02.09.2008.

¹² Jakarta Post, 27.11.2008.

- ¹³ The Straits Times, 25.06.2008.
- ¹⁴ The Straits Times, 04.03.2008.
- ¹⁵ The Straits Times, 26.08.2008.
- ¹⁶ The Straits Times, 23.08.2008.
- ¹⁷ Far Eastern Economic Review (Hongkong), September 2008, с.15-17.
- ¹⁸ The Straits Times, 24.06.2008.
- ¹⁹ The Straits Times, 04.08.2008.
- ²⁰ The Straits Times, 30.08.2008.
- ²¹ The Straits Times, 03.09.2008.
- ²² Rakyat Merdeka (Jakarta), 28.02.2009.
- ²³ The Straits Times, 03.09.2008.
- ²⁴ Jakarta Post, 31.01.2009.
- ²⁵ Jakarta Post, 13.10.2008.
- ²⁶ Tempo (Jakarta), 26.10.2008.
- ²⁷ Jakarta Post, 26.08.2008.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ The Straits Times, 25.01.2008.
- ³⁰ The Straits Times, 25.01.2008.
- ³¹ Kompas.30.01.2009.
- ³² Jakarta Post, 29.01.2009.
- ³³ Antara News, 29.01.2009.
- ³⁴ Kompas, 21.07.2008.
- ³⁵ Kompas, 04.01.2008.
- ³⁶ Asian Survey (Berkeley), vol. XLIX, № 1, January-February 2009, с.150-151.
- ³⁷ The Straits Times, 05.04.2008.
- ³⁸ Image, № 6, June, 2008, с.1.
- ³⁹ Kompas, 07.10.2008.
- ⁴⁰ Jakarta Post, 09.10.2008.
- ⁴¹ Kompas, 13.10.2008.
- ⁴² Kompas, 14.10.2008.
- ⁴³ AntaraNews, 17.11.2008.
- ⁴⁴ Kompas, 14.12.2008.
- ⁴⁵ Business and Investment (Jakarta), 08.10.2008.
- ⁴⁶ The Straits Times, 28.03.2008.
- ⁴⁷ Kompas, 05.12.2008.
- ⁴⁸ Там жею
- ⁴⁹ Pidalo Kenegaraan..., с.8.
- ⁵⁰ Kompas, 18.01.2008.
- ⁵¹ The Straits Times, 26.02.2008.
- ⁵² Известия (М.), 26.02.2008.
- ⁵³ The Straits Times, 09.08.2008.

- ⁵⁴ Цит. по Straits Times, 14.04.2008.
- ⁵⁵ Tanahair (Moscow), Edisi 3, November 2008, с.1-2.
- ⁵⁶ Gaira (Jakarta), № 52, 12.11.2008, с.29.
- ⁵⁷ JakartaPost.03.02.2009.
- ⁵⁸ Tanahair, Edisi 3, November 2008, с.3.
- ⁵⁹ The Straits Times, 25.01.2008.
- ⁶⁰ The Straits Times, 29.08.2008.
- ⁶¹ См. «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», выпуск XI, М., 2008, с. 113-113.
- ⁶² The Straits Times, 09.01.2008.
- ⁶³ Kompas, 07.06.2009.
- ⁶⁴ The Straits Times, 07.02.2008, 06.03.2008.
- ⁶⁵ The Straits Times, 14.02.2008.
- ⁶⁶ The Straits Times. 23.02.2008.
- ⁶⁷ The Straits Times, 21.06.2008.
- ⁶⁸ Sinar Harapan, 04.04.2008.
- ⁶⁹ The Straits Times, 13.02.2008.
- ⁷⁰ The Straits Times, 13.08.2008.